

Стучка Петр Иванович

**Классовое государство и
гражданское право**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Иванович С.**
Классовое государство и гражданское право / Стучка Петр Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 78 с.

ISBN 978-5-519-75699-0

ISBN 978-5-519-75699-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

конечно, имел пред собою иные „социальные отношения“, чем ныне при НЭП'е и при Гражданском Кодексе, но это ничего не меняет в моем основном взгляде. Я не буду удивлен, если мы и тут в ответ встретим по аналогии тот же поход на теорию, на этот раз не на общую теорию права, а на классовую теорию гражданского права. Еще задолго до революции, писал профессор цивилист Гамбаров (не то кадет, не то меньшевик), что у многих возникает вопрос, может ли быть предметом науки право вообще, а в частности право гражданское. Я уже ответил, что нет, пока мы не встали на классовую точку зрения, ибо до тех пор оно может быть лишь техникою или искусством, а отнюдь не наукою. Я шел дальше и показал, что у нас эта техника (законодательство) и это искусство(правосудие) сейчас много раз важнее и спешнее, чем наука права. Но одновременно я утверждаю и показал на примерах, что научные выводы о классовом характере права необходимы для правильной постановки у нас этой техники и этого искусства, не говоря уже об общем марксистском мировоззрении. Наша классовая теория права уже повлияла и на технику, т. е. на действующее гражданское право (напр., ст. 5 Введения к Г. К.); ей принадлежит в будущем большая роль и в искусстве права (напр. в классовом подходе пролетарского суда к разбираемым делам). На этой последней задаче я остановлюсь в своем предполагаемом следующем докладе о „классовом государстве и уголовной политике“ или уголовном законе. Первую задачу я несколько продемонстрирую в дальнейшем ходе сегодняшнего доклада.

Лица или классы? Что мы понимаем под гражданским правом? (Я пока оставляю вопрос о названии; к нему мы еще вернемся). Перефразируя слова Ф. Энгельса, я сказал бы: „Гражданское право, в широком смысле слова, занимается не вещами, а также не лицами (физическими

или юридическими), а отношениям между лицами, в конечном счете, — между классами.“ В этом отношении право, как наука, охватывает ту же сферу, как и политическая экономия, но только в последней, говоря словами Энгельса, „эти отношения всегда связаны с вещами и предстают пред нашими глазами в виде вещей“. Напротив, в праве буржуазного, капиталистического общества эти лица, как бы не связаны с вещами и проходят пред нашими глазами, как свободные абстрактные личности, в прямую противоположность предыдущему периоду, где эти лица, даже по праву, были привязаны (приписаны) к вещам, как крепостные. К. Маркс убедительно показал, что и ныне рабочий класс невидимыми нитями связан с капиталом, составляет прямую собственность класса капиталистов. Но не странно ли в таком случае, что как раз гражданское право, как наука, имеющая в конечном счете дело с отношениями между классами—до сих пор больше всего чуждо классовой точке зрения? Не только странным, а прямо непонятным на первый взгляд должно показаться то обстоятельство, что гражданское право, эта реальная, по нашей дефиниции, „система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересу господствующего класса и посему охраняемая государством“, просто смешивается с „гражданским кодексом“, „гр. уложением“, т. е. с законами, лишь охраняющими, регулирующими, поддерживающими эти отношения. Небольшой исторический очерк выяснит возникновение такого положения вещей и такого взгляда весьма выпукло и наглядно.

Различные значения слова. В этом последнем вопросе очень мешает ясности то обстоятельство, что слово право имеет весьма различные значения; еще больше, что это слово употребляется вообще слишком часто, отчего оно подчас теряет всякий реальный смысл. Но было бы

смешно совсем отбросить эти реально образовавшиеся значения слова и образовать самостоятельно совершенно новое понятие, объявляя только это новое понятие настоящим правом, как это в свое время делали философы права.

Все эти различия в понимании права можно свести к трем большим группам, которые я во втором издании своей книжки о праве определил, как 1) конкретную форму, 2 и 3) первую и вторую абстрактную формы правовых отношений. Над этим делением посмеивался тов. Подволоцкий, не понимая этой моей мысли или просто делая вид, что он ее не понимает. Но стоит обратиться к литературе, к реальной жизни, или даже к книжке самого тов. Подволоцкого, чтобы убедиться в том, что этот тройкий вид понятия права является реальным фактом, результатом исторического развития.

Мы находим в современной литературе, во-первых, слова: „социальный правопорядок“ (см. Кунова), „право, реально функционирующее в жизни“ и т. п. А сам Подволоцкий (на стр. 167) говорит: „система (экономических отношений), получившая правовую санкцию, есть правовая система“. Какая разница между правовую систему и правопорядком, и между правопорядком и правом (в обыденном смысле)? Это и есть конкретная форма общественных отношений.

Во-вторых, право понимается, как право „государственно кодифицированное“ (Кунов), как „право официальное“, „правовые нормы“ (т. Подволоцкий), „система социальных норм“ и т. д. (т. Магеровский). А любой прокурор, как блюститель законности, скажет, что право—это Свод законов или Собрание узаконений. Это и есть (уже по времени) первая абстрактная форма отношений.

Но имеется еще и третье значение права: это так наз. „интуитивное право“ (Петражицкий и его поклонники), „правовая идеология“, „идея права“, „философское или естественное право“, „право-справедливость“, „внутреннее правосознание“. Не правда ли, что и это понятие не изобретено мною?

Я не достаточно церковник, чтобы спорить с тов. Подволоцким о „триединстве“ этих понятий или оспаривать его картину о трех ипостасях. Я ссылаюсь только на К. Маркса (в **правильном**, а не исковерканном, как у тов. Подволоцкого, переводе), когда он говорит о том: „каким образом производственные отношения, как (а не „и“, тов. Подволоцкий!) правовые отношения вступают на (а не „проходят“) неодинаковый путь развития...и т.д.“ Значит, когда-то было единство понятий, но его больше нет! А разумеется три рода понятия права то не надо их смешивать. И буржуазная наука различает право в субъективном, право в объективном смысле и правосправедливость (или в философском смысле). Будем, если хотите, спорить о примате того или иного понятия, о лучшем способе, методе их изучения: научном, техническом, даже психологическом, но выясним их правильное взаимоотношение не в религиозном, церковном смысле триединства (как это делает тов. Подволоцкий), а в марксистско-материалистическом смысле.

Исходя от этих предпосылок, я подхожу к разбору: 1) понятия гражданского права, как правопорядка и 2) гражданского кодекса, не останавливаясь на этот раз на третьем, т.-е. науке или философии (буржуазная теория вынужденно смешивала оба последних метода изучения права). Конечно, я вам здесь ничего цельного дать не могу, Это будут отрывочные мысли, критические заметки, беспорядочные соображения, скорее не доклад, а материалы для дальнейшей разработки. Но требовать законченной классовой системы гражданского права, пока нам еще приходится доказывать классовый характер этого права вообще, было бы, конечно, преждевременно. Вдобавок, мне придется еще слишком часто останавливаться на спорах обще-теоретического характера, для выяснения кое-каких недоразумений прошлой полемики.

Гражданское право—правопорядок.

Долой старое право! Я уже поставил вопрос: что такое вообще гражданское право? Было время, когда у нас на это понятие уже смотрели, как на просто историческое, т.-е. относящееся к побежденному обществу явление. Мы, отменяя все законы, т.-е., по тогдашним понятиям, все старое право, воображали себе, что мы вместе с тем отменили и гражданское право, заменяя его по существу социализмом или даже коммунизмом. Сожгли старые законы, т.-е., как думали, право, и сели писать новое. Другие были менее смелы и полагали, что нечто переходное должно оставаться вместо буржуазного гражданского права, и поэтому ограничились (и я в том же числе) переименованием его, напр., в социальное право. (Для 1918 г. и эта мысль в правовых вопросах была смелая мысль) ¹⁾.

Тогда все мы, не только юристы, в правовых вопросах стояли на почве так наз. Juristen-Sozialismus, этой архипошустнической, чисто реформистской теории. Реннер (Карнер), австрийский с.-д., тогда пользовался еще как-бы заслуженным вниманием, ибо мы тогда все еще жили по правовым вопросам в идейном мире социалдемократии. Но жизнь была революционнее теории. Она нас привела к классовому пониманию права, к определению классового права, как особой системы (порядка) общественных отношений, ибо революция сожгла старые законы, не создав с такою же быстротою новых. А это пустое место в правовых вопросах можно было заменить лишь „интуитивным правосознанием“ или—системою реальных отношений людей. Начали мы как раз с первого пути. Я неод-

¹⁾ Я собираюсь, когда позволит время, перепечатать хотя бы свои последовательно с 1917 г. печатавшиеся статьи по вопросам права, чтобы показать, как сама революция гнала нашу мысль вперед.

нократно указывал, как сперва слово „революционное правосознание“ попало в наш декрет (№ 1) о суде косвенно из-под пера Петражицкого. Но революция сама наполнила и это понятие совсем иным содержанием и неизбежно привела к прямо противоположному пониманию права в виде „системы общественных отношений“.

Одновременно шло революционизирование мысли по вопросу о государстве. Смелая революционно-марксистская теория т. Ленина, выработанная еще до совершившегося октября, дала сразу всем понятное революционное объяснение государству. На втором месте пришлось взяться за суд: мы ввели вместо упраздненного буржуазно-царского суда классовый рабочий, „Бесправие“ т.-е. народный суд. Но вместо революционного свода законов мы ему могли дать в руки лишь—пустой лозунг революционного правосознания. Я уже как-то писал о том, как тогда лучшие представители старого суда, когда я им предложил вместо того, чтобы голодать, поступить на должность местных судей, мне честно ответили: „Как нам это сделать? У вас же нет законов“. И я не знаю, что мне тогда сказали бы наши первые рабочие судьи, если бы я на их вопрос: Что делать?—ответил им, хотя бы словами т. Подволоцкого, указанием на то, что право, мол, есть только социальные нормы, т.-е. законы и т. д.; а на вопрос, что понимать под правосознанием, стал им доказывать, что правосознание есть просто сознание этого права, т.-е. опять таки сознание, основанное на законе. Мне уже тогда пришлось—правда, также довольно наивно—указывать на те „споры о взаимоотношениях людей“, которые им придется разрешать, основываясь на своем классовом сознании. Но мы не могли остановиться на этом пояснении. Мы пережили и революцию мысли и чрез год мы уже могли формулировать ее яснее: право это есть система (порядок) и т. д., причем всякое право является правом в интересах

господствующего класса и поддерживается им посредством своей классовой организации, т.-е. государства. Тогда против этого не спорили! Споры начались лишь позже, когда вместе с нашим отступлением и НЭП'ом стали, казалось, воскресать и старые нормы и кодексы и старый юрист. (Жив курилка!) Ведь НЭП не есть конец революции, это продолжение той же классовой борьбы только другими средствами.

Социальное право. Кто стоит на классовой точке зрения по вопросам права и кто правом (хотя бы одним видом права) признает „систему общественных-социальных отношений“, для того ныне уже ничего смелого не представит об'явление гражданского права—социальным правом. Это простая тавтология. И замена этого слова—словом „хозяйственное“ также не даст ничего нового, если вспомнить, что Маркс под общественными отношениями понимает именно экономические отношения (производства и обмена). Так называемое гражданское право в широком смысле слова

есть право вообще. А все прочие так наз. классовое право. права являются лишь наростом, надстройкою в узком смысле слова. Но самое странное то, что как раз эта система реальных отношений между людьми, а в конечном счете—между классами, и оказалась до сих пор наименее доступною для классового подхода.

Право-форма организации. Что, в сущности, означает система или порядок общественных отношений в применении к гражданскому праву? Это означает форму организации людей в процессе производства и обмена, но организацию классового типа. Ныне эту организацию надо отличать от другой классовой организации—государственной. По отношению к праву эта последняя организация является классовою организацией охраны, обороны, поддержки его в интересах господствующего класса; организацию не всего общества и даже не обязательно всего класса, а специальных дру-

жин, особых органов или совокупности органов, как напр., аппарата бюрократии и т. п. В начале классового общества эти организации более или менее совпадают (Сравните право римских квиритов).

Право-дезор-ганизация. Как понимать организацию людей в процессе производства и обмена вообще? Как постоянное, длительное распределение людей по средствам производства или как скоропреходящее, мимолетное распределение? Ответ получится различный в зависимости от характера общества. В обществе бесклассовом эта организация принимает естественные длительные формы без (по крайней мере) внешнего принуждения. Но эти периоды (доисторический и будущий) мы оставим в стороне. Первоначальное классовое общество знает только крайне постоянное разделение людей в производстве на свободных и рабов, принадлежащих потомственно свободным. А среди свободных граждан экономические ячейки носят такой же постоянный характер; так напр., семья. Потом идет другая система: крепостничество с прикреплением крепостных к земле, цеховых к орудию и ремеслу и т. д. И эта система тверда, постоянна. Устава еще нет никакого, или почти никакого. Но вот наступает капиталистический период, буржуазная эпоха. Где тут устав, где организация вообще? В производстве и обмене как будто полная анархия, полная дезорганизация! Лишь появившейся новой науке, политической экономии, при помощи статистики и других подсобных доктрин удастся открыть известную закономерность и в этом хаосе движения производства и обмена. Одновременно в этом хаосе совершенствуется и получает доминирующую роль регулирующая эту „организацию“ норма, вернее система норм, Code civil, Гражданский кодекс. Только своеобразен этот устав, который никто и не признает уставом. Сравнение с уставом применяется разве еще к государ-

ству, а не к производству и обмену. Тут господствует основная норма: *Laisser faire, laisser passer*, вместо крепостнической **Право-закон**. „тащить и не пущать“. Уже из этого краткого обзора всем ясно, что „каждый исторический период развития и в правовой области имеет свои особые общественные законы“, но в то же время остается в силе положение, что переход одного периода в другой, в свою очередь, имеет и свои общие законы. Значит, **все формы** классового права имеют нечто общее, но имеют в своих отдельных стадиях и свои особые законы развития.

Мы возвращаемся к вопросу об исходной точке происхождения права? Где ее искать? Обратимся к филологическому происхождению слова право? Еще покойный Лафарг показывает, как слова, означающие право, на многих языках одновременно означают понятие „прямое“, прямую линию? *ortos* (греч.), *rectum* (лат.), *derecho* (испанский), *right* (английск.), *droit* (франц.). Тут можно прибавить еще русское слово „правда“ с характерным противопоставлением ей „кривды“. Ясно, что это объединение в одном слове понятия „прямой“ и „право“ относится к первоначальному измерению земли, как это указывает уже и Лафарг. Прямая линия межи была первым признаком права, правды. Так же при первых попытках товарообмена локоть, аршин—священное средство измерения—должен быть прямой; кривой аршин—на некоторых языках считается признаком неправды, неправа. Каков вывод? Вывод тот, что генезис понятия права относится по времени к первобытной частной собственности на землю первому регулярному товарообмену, а не раньше. Мы дальше еще увидим, что и первоначальное понятие права отчуждать вещь в Риме как раз относится к этому же периоду (*res mancipi*).

**Реальная
„правда“.**

И так, первое понятие „правды“, как „правомерного“ (прямого тоже) разграничения частной собственности на землю имеет чисто ре-

альное, даже вещественное значение. Все, что находилось в пределах подобной „русской“ (римской, немецкой) „правды“ — составляло собственность семьи, двора или лица. Отсюда берет начало развитие не только права частной собственности, но и права вообще, в первую голову, так называемого права в субъективном смысле. Отсюда переносятся понятие субъективного права в область так наз. публичного права или государства, этой классовой организаций господства. Так назыв. публичное субъективное право понимается в том же гражданско-правовом смысле, „право собственности“ на избирательное право, на неприкосновенность личности, квартиры (My house is my castle) и т. д. Отсюда получается даже схема философской теории права в субъективном смысле (вроде теории Трубецкого), как „создающаяся правовыми нормами область свободы для каждого субъекта, возможности осуществлять свой интерес“. Здесь правовые нормы, т.-е. статьи закона, служили лишь разграничительными столбиками, межевыми знаками, разных „субъективных прав“ или „прав отдельных субъектов“. А наиболее передовая юридическая школа буржуазии, теория защищенного интереса, исходила от понятия разграничения той же образной „правды“, „правомерной“ частной собственности. Если здесь вместо межевых знаков по очереди поставите норы, обычаи, закон, сначала божий, а потом человеческий и классовый, то вы имеете всю историческую скалу перехода от понятий права — „правды“, как системы реальных взаимоотношений людей, к правде — закону и правде — справедливости. Этот анализ нам вкратце еще придется проделать в дальнейшем.

Но я должен оговориться, что здесь как раз на-
 Право т. Эн-чинаются еще продолжающиеся у нас разногласия.
 геля.

Классовый характер всякого права среди коммунистов уже более или менее вне спора. Правда, у нас еще имеются открытые и скрытые психологисты, ослепляющие и эту точку зрения, но с ними у нас имеются одновременно и более серьезные и